

**НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

УДК 81'42

**О СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ
И СИНТАКСИЧЕСКИХ МИФАХ (ЧАСТЬ 1)**

**TOWARDS SYNTACTIC UNITS
AND SYNTACTIC MYTHS (PART 1)**

Марина Юрьевна Сидорова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Marina Yuiryevna Sidorova
Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

Аннотация

Статья посвящена русской грамматической традиции в установлении единиц синтаксиса, рассматриваемой с позиций понимания науки как системы «операций с утверждениями». Анализируются два компонента формирования этой традиции: собственные утверждения ученых касательно единиц и объектов синтаксиса и интерпретация утверждений предшественников, которая может находиться на разном расстоянии от оригинальной научной парадигмы, в которой эти утверждения изначально были сделаны. Выявляется ряд неточностей в «оперировании утверждениями», сделанными классиками отечественной лингвистики — А.А. Шахматовым и В.В. Виноградовым, у их последователей.

Ключевые слова: русский язык, научная традиция, синтаксические единицы, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов.

Abstract

Within the modern methodological framework of regarding science as “operations with statements” (B. Latour, S. Woolgar) the article aims at answering the question: which approaches to syntactic units could really be labelled as “the Russian grammar tradition”? Two aspects constituting this tradition are discussed: independent statements made by outstanding scientists (original texts) and their later interpretations (post-texts) which may be rather distant from the original paradigm these statements were made in. Comparing the original texts and later post-texts we discover and try to systematize the misrepresentations and misinterpretations which are further

spread among new generations of linguists via internet. Thus, comparison of statements on syntactic units made by Russian linguistic classics – A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov – and their reflection in the works of their successors reveals a number of inaccuracies which themselves form a tradition. The fact that substantial misinterpretations of the “ancestors” syntactic views can be found even in classical university textbooks is illustrated by the presentation of M.V. Lomonosov and A.A. Shakhmatov in V.A. Beloshapkova’s well-known Russian syntax for universities as the founders of the allegedly traditional idea that two syntactic units should be distinguished: sentence (“predlozhenie”) and word combination (“slovosochetanie”). Also we demonstrate the following types of misrepresentations and misinterpretations: 1) the tendency of integrating Shakhmatov’s and Vinogradov’s view on syntactic units into the structuralistic level-based approach to language; 2) the distortion of causal relations in textbook explanations why this or that scientist formulated his or her idea of syntactic units and 3) the excessively broad or narrow approach to the idea of succession which can be selected by authors of post-texts to defend their own position in Russian grammar tradition and to cross scientific opponents out of it. Recognizing that some of these inaccuracies arise from the original texts themselves (changes in the scientist’s views during his life; ambiguous statements; combination of terminological and non-terminological usage of the same word), we argue that a lot of them still stem from conscious or unconscious wish of an author of a textbook or other post-text to present an integrated view of the Russian grammar tradition rather than investigate the real history of operations with statements on syntactic units in it.

Key words: Russian language, scientific tradition, syntactic units, A.A. Shakhmatov, V.V. Vinogradov.

Введение (цель, материал исследования, методология). В 1979 г. увидела свет книга Б. Латюра и С. Вулгара под названием “Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts” (второе издание [Latour, Woolgar]) – исследование того, как функционирует и порождает научное знание современная лаборатория. Авторы утверждали, что «жизнь лаборатории» состоит в постоянном «оперировании утверждениями», включая добавление модальных значений, цитирование, усиление, ослабление, заимствование и формирование новых комбинаций научных утверждений. Латюр и Вулгар пишут: “Each of these operations can result in a statement which is either different or merely qualified. Each statement, in turn, provides the focus for similar operations in

other laboratories. Thus, members of our laboratory regularly noticed how their own assertions were rejected, borrowed, quoted, ignored, confirmed, or dissolved by others” [Latour, Woolgar: 86–87]. Речь, подчеркнем, идет о естественнонаучной лаборатории.

Функционирование гуманитарных отраслей науки еще в большей мере есть «оперирование утверждениями», что подтверждает известный специалист в области языковых проблем обучения различным дисциплинам М. Шлеппегрел, противопоставляя научные тексты по истории и химии. «Исторический» текст, в отличие от «химического», наполнен терминами, обозначающими абстракции, конструируемые в языке и культуре. Это слова с высоким уровнем обобщения и значениями, выходящими за пределы словарных определений. Их толкование нельзя смотреть во «все равно каком» словаре, это слова-интерпретации, понимание которых предполагает знание социально-исторического контекста и/или взглядов, идеологии субъекта, их употребляющего. Иначе говоря, для адекватного восприятия подобного текста требуется определенная начитанность, выходящая за пределы его самого. История — это наука об интерпретациях, и при чтении учебника или научной статьи по истории мы должны привыкнуть, во-первых, придавать значение выбору слов, которые использует тот или иной автор для конструирования своего взгляда на прошлое, во-вторых, к тому, что одни и те же социальные и культурные термины в разные эпохи имели разное содержание¹.

---

¹ Анализируя небольшой фрагмент такого текста (“The writers of the document also drew inspiration from Enlightenment philosophers who thought that government was a social contract between people and their ruler. The best governments, these philosophers said, were those that respected the “natural rights” of individuals — basic rights such as “life, liberty, and the pursuit of happiness.” Britain’s John Locke had added that if the people determined that their ruler or form of government was corrupt, the people had a right to overthrow it”), Шлеппегрел пишет: «The text, like most history texts, also challenges students in the way it uses abstractions constructed in language: *social contract, government, natural rights, life, liberty, pursuit of happiness*. These are not just vocabulary words to define and learn. To understand these concepts, students need more than this text; they need other resources to enable them to go beyond a dictionary definition of a concept to truly understand its meaning. Teachers need to recognize the challenges this presents and consider how to build the background knowledge that will enable students to be critical readers, seeing the interpretation that is built in by historians in their language choices. History is always interpretation, and students can learn to see that the historian has made choices about the events and the people whose thoughts and words will be presented, and that all the language choices contribute to constructing a particular view of the past” [Schleppегrел: 51].

Сказанное релевантно и по отношению к лингвистике, и аналитическое чтение книг и статей предшественников и современников, включающее анализ их языка, является одним из самых интересных видов лингвистического труда, которым может занять себя филолог. Ссылаясь на работы коллег, мы создаем послетексты, которые, в свою очередь, могут служить предтекстами для дальнейшей цитации. По мере формирования такой цепочки отсылок неизбежно образуются большие или меньшие различия в интерпретациях исходного текста, таким образом, работы классиков закономерно превращаются в предмет герменевтики и текстологии. Сложности проблеме добавляет тот факт, что ни один выдающийся ученый, развивающий оригинальную концепцию на протяжении длительного времени, не оставляет ее неизменной — ни по сути, ни в формулировках, что порождает закономерные разночтения. Часть этих разночтений может быть вызвана разными интерпретациями одного и того же предтекста, часть — тем, что интерпретаторы обращаются к разным предтекстам (представляющим разные этапы развития концепции или разную степень научной строгости в изложении материала), соответственно читатель видит «цитируемую» концепцию такой, как она отражена в выбранном тем или иным интерпретатором тексте. Одним из максимально «пострадавших» от этого лингвистов можно считать Э. Сепира с его гипотезой «лингвистической относительности». В зависимости от того, из каких работ Сепира или Уорфа создатель послетекста будет извлекать формулировки для иллюстрации этой гипотезы, он будет получать ее разные варианты — как по сути, так и по степени категоричности.

К обсуждению того, что аналитическое чтение научного наследия, в первую очередь классического, дает для дальнейшего развития грамматической науки, мы обращались уже не раз, в том числе в статье «К вопросу о научной традиции и традиционной науке: термины и оценки» [Сидорова]. В статье мы рассматривали употребление слов «традиция» и «традиционный» и их контекстуальных синонимов («классический» и под.) и антонимов («современный» и под.) в лингвистике конца XX — начала XXI в. (от трудов известных языковедов до студенческих рефератов), привлекая для сопоставления анализ общезыкового употребления слова «традиция» (по словарям и текстам), использования этих слов для характеристики различных гуманитарных и естественных дисциплин («тради-

ционная химия», «философская традиция» и под.) и понимание научной традиции в современном науковедении (включая соотнесение с другими понятиями, используемыми для интерпретации истории науки: «горизонт ретроспекции», «нормальная наука», «научная революция» и под.). Среди прочего мы констатировали, что пока не удается установить момент, с которого авторы русских лингвистических текстов XIX — начала XX века стали использовать слова «традиция» и «традиционный» для выражения своего отношения к тем или иным лингвистическим взглядам, терминам, концепциям в отечественной грамматической науке: «...Ни Н.К. Грунский в своих “Очерках по истории разработки синтаксиса славянских языков” [Грунский], ни А.Д. Вейсман в “Истории русской грамматической терминологии” [Вейсман], ни Ф.И. Буслаев в книге “О преподавании отечественного языка” (1867) [Буслаев] не пользуются характеристиками “традиция” и “традиционный”, хотя, казалось бы, исходя из тематики этих трудов, данные слова должны встречаться на их страницах. Тем не менее Грунский говорит о “предшественниках” и “последователях”, но не о “традиции”. Вейсман использует слово “традиция”, но в сочетании “греко-латинская традиция” или “греко-латинские традиции”. Когда слова “традиция” и “традиционный” начинают активно эксплуатироваться для характеристики русской грамматической науки, мы пока точно сказать не можем (во всяком случае в работе В.В. Виноградова “Из истории изучения русского синтаксиса” [Виноградов] мы их находим» [Сидорова: 11].

Возвращение к этой проблематике в настоящей статье стимулировано появлением книги коллег из РУДН «Синтаксические сюжеты. Спорные и нерешенные вопросы русского синтаксиса» [Анипкина, Бубнова, Крылова]. Первая глава этого учебного пособия называется «Друг Аркадий, не говори синтаксемами» и посвящена, как сообщает подзаголовок, «синтаксическим единицам русского литературного языка». Именно на понятие «синтаксическая единица» и сложившихся вокруг его интерпретации научных мифов мы и хотели бы остановиться.

Основная часть. Глава начинается с сообщения: «Если придерживаться устоявшегося в языкознании представления об уровне организации системы языка, то с неизбежностью встает вопрос о том, какие единицы выделяются на синтакси-

ческом уровне». Далее противопоставляются два «принципиально различных решения этого вопроса», существующих в настоящее время: «Одно принадлежит академикам А.А. Шахматову, В.В. Виноградову и их последователям. Оно принято также в РГ-80 и прочно вошло в синтаксическую традицию. Другое приводится в работах Г.А. Золотовой и ее учеников» [Анипкина, Бубнова, Крылова: 9]. Первая точка зрения излагается следующим образом: «Синтаксическими единицами являются словосочетание и предложение, отношения между которыми можно назвать иерархическими: во-первых, единица более высокого уровня (в данном случае предложение) может строиться из единиц более низкого уровня (в данном случае словосочетаний), но не наоборот. Во-вторых, единица более высокого уровня всегда обладает некоторым новым качеством, которого лишены составляющие ее единицы более низкого уровня; этим новым качеством предложения в сравнении со словосочетанием является коммуникативная функция (тогда как словосочетание — единица номинативная). Наконец, в-третьих, предложение не механическая сумма составляющих его словоформ и словосочетаний, так как его семантика не равна простой сумме значений его составляющих» [Анипкина, Бубнова, Крылова: 9–10]. Отсюда выводятся два положения, которые авторами книги характеризуются как «принципиальные».

1) «Предложение в иерархии синтаксических единиц, будучи единицей коммуникативной, занимает самое высокое место. Строевыми единицами предложения являются номинативные синтаксические единицы — словосочетания, а также формы слов, или словоформы (словоформа — единица морфологического уровня языка).

2) Синтаксис в языке неразрывно связан с морфологией и лексикой. Но синтаксис представляет собой особый ярус, особый уровень, *потому что* (курсив наш. — М.С.) и словосочетание, и предложение являются результатом применения синтаксической связи / связей, результатом соединения, сцепления единиц других уровней (слов и их форм)». Словоформа, не являющаяся результатом применения синтаксических связей, единицей синтаксического уровня, соответственно, не считается.

Чтение этого фрагмента вызывает ряд вопросов, ответ на которые необходим, если мы желаем рассмотреть синтаксис русского языка с точки зрения общей лингвистической теории.

Во-первых, заявлено, что речь идет о синтаксических единицах *современного русского литературного языка*. В чем смысл такого ограничения? В каком значении используется термин «синтаксическая единица», если система языка, в которой выделяются эти единицы, ограничивается и хронологически («современного»), и функционально («литературного»)?

Во-вторых, слово «уровень» употребляется здесь в двух очевидно различных смыслах: с одной стороны, «синтаксический уровень» как часть уровневой системы языка, включающей также морфологический, лексический и фонетический уровни, с другой – предложение и словосочетание как единицы «более высокого» и «более низкого» уровней чего? Синтаксического уровня?

В-третьих, формулировка «Предложение в иерархии синтаксических единиц <...> занимает самое высокое место» не предполагает иерархии, включающей только две единицы. Какие еще? (Вообще, трудно представить «двухэтажную» иерархию, не случайно в определении этого понятия в словарях используются такие слова, как «цепочка», «многоуровневый» и под.).

В-четвертых, хочется разобраться, почему все-таки синтаксис «представляет собой особый ярус, особый уровень» языка? Потому что он характеризуется особыми единицами? Или особыми отношениями между единицами? Или особыми «синтаксическими связями»? В зависимости от ответов на эти вопросы логично будет включить в число синтаксических единиц словоформу, исключить из них словосочетание или остаться на предлагаемой позиции (синтаксические единицы – словосочетание и предложение).

Безусловно, данные вопросы являются теоретическими, и на нечеткость их представления на уровне учебного пособия, хорошо задуманного, в целом весьма интересного и вполне надежного в остальных разделах, можно было бы закрыть глаза. Если бы не одно «но»: все приведенные рассуждения делаются на фоне освящения мнения о двух синтаксических единицах – словосочетании и предложении – авторитетами академиков А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. А это уже научный миф, к сожалению, весьма распространенный. О его вездесущности позволяет судить количество конспектов, рефератов, ответов на билеты в Интернете, содержащих утверждения¹ типа: «Виноградов и Белошапкова (современная наука) выделили 2 синтаксические единицы: словосочетание и предложение» (URL:

¹ Приводятся в оригинальном виде.

<http://pandia.ru/text/77/381/103461.php>); «Для Шахматова словосочетание — часть предложения. Выдвинул тезис о существовании двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Русский синтаксис в научном освещении: грамматика 1954 г. — теоретическое введение написал Виноградов. Развивая идеи Шахматова, предложил 2 самостоятельные синтаксические единицы — словосочетание с номинативной функцией (т. е. той же функцией, что и у слова) и предложение с коммуникативной функцией» (URL: <http://durov.com>); «Алексей Александрович Шахматов (учебник “Синтаксис русского языка”, 1925, 1941 гг.) <...> считал основными синтаксическими единицами предложение и словосочетание, но самой важной все-таки предложение, так как предложение выражает мысли, связывает их, а словосочетание — это конструктивная единица, то есть словосочетание входит в предложение и из предложения его можно вычленишь. Следовательно, в теории синтаксиса он выделял два раздела: Учение о предложении и Учение о словосочетании. Виктор Владимирович Виноградов тоже считал основными синтаксическими единицами словосочетание и предложение <...> Начиная с М.В. Ломоносова, в теории русского синтаксиса выделяется две синтаксические единицы» (URL: <http://refdb.ru/look/1902563-pall.html>); «В выделении синтаксических единиц целесообразно исходить из того понимания синтаксиса, которое развил академик В.В. Виноградов. Оно сводится к представлению о синтаксическом строе как системе, состоящей из двух самостоятельных уровней — уровня словосочетания и уровня предложения. Соответственно в синтаксисе должны изучаться две самостоятельные синтаксические единицы — словосочетание и предложение» (URL: <http://gosexam.diary.ru/p175181947.htm?oam>). Любому университетскому преподавателю очевидно, что подобные ресурсы имеют большее влияние на умы студентов, чем первоисточники, в силу большей доступности и упрощенности, а следовательно, заблуждения, однажды распространившиеся, продолжают тиражироваться, тем более, что аналогичные тексты обнаруживаем и в электронных библиотеках вузов: «Начальный период изучения словосочетания связан с именем М.В. Ломоносова, который в “Российской грамматике” (1755) описал правила “сочинения” частей речи на основе их синтаксических свойств. А.А. Шахматов, опираясь на предложенное Ф.Ф. Фортунатовым деление словосочетаний на законченные и незаконченные, выделил две единицы синтаксиса — словосочетание и предложение» (URL: <http://elib.bspu.by>).

Приведенные цитаты показывают, что «миф о синтаксических единицах» состоит как минимум из четырех частей:

1) У истоков выделения двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения — стояла «Российская грамматика» М.В. Ломоносова.

2) Идею о двух синтаксических единицах выдвинул А.А. Шахматов и развил В.В. Виноградов.

3) Выделение этих двух синтаксических единиц является традиционным и преобладающим в истории русской грамматики.

4) В.А. Белошапкова также выделяет именно эти две синтаксические единицы.

Как у всякого «бродячего сюжета», у данного мифа есть вариации. Например, констатация выделения Шахматовым двух синтаксических единиц может сочетаться с утверждением, что он сделал это, «опираясь на предложенное Ф.Ф. Фортунатовым деление словосочетаний на законченные и незаконченные» или «отталкиваясь от идеи Фортунатова о словосочетании как главной синтаксической единице».

Весьма вероятно, что одним из источников рассматриваемого мифа является классический университетский учебник В.А. Белошапковой. В учебном пособии РУДН, которое послужило отправной точкой наших рассуждений, приводится следующая выдержка из него (в разделе под названием «Источники. Polemica» в качестве одной из иллюстраций «более распространенной точки зрения»): «Давнюю стойкую традицию русской синтаксической науки составляет выделение двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Истоки ее можно найти в “Российской грамматике” М.В. Ломоносова. Словосочетание и предложение как две определенным образом соотнесенные единицы синтаксиса выделяет А.А. Шахматов в книге “Синтаксис русского языка”, первые две собственно синтаксические части которой называются соответственно “Учение о предложении” и “Учение о словосочетаниях”. <...> Именно В.В. Виноградов создал то понимание основных синтаксических единиц, которое получило широкую популярность и стало преобладающим в современной русской синтаксической науке. По мысли В.В. Виноградова, словосочетание — это синтаксическая единица, возникающая в результате соединения слова с формой другого слова на основе определенной синтаксической связи...» [Белошапкова: 6–7].

Как мы видим, здесь присутствуют первые три компонента обсуждаемого синтаксического мифа. Разберемся с ними последовательно.

Безусловно, при должном тщании в «Российской грамматике» Ломоносова можно найти истоки чего угодно, включая современную когнитивистику. И вряд ли кто-то из современных студентов, читая приведенный выше фрагмент, усомнится и заглянет в первоисточник. Тем не менее никаких «истоков» выделения двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения — у Ломоносова нет. Предложение служит отчасти предметом главы 5 «О сложении знаменательных частей слова» Наставления первого, где вводится общее понятие о простом и сложном «сочинении речений», т. е. слов, и констатируется, что путем сочинения речений «рождаются разные периоды: одночленные, двучленные, тричленные, четырехчленные»: «Пространное оных изъяснение и толкование надлежит до риторики». То есть для Ломоносова предложение не просто не единица синтаксиса, оно даже не его полноценный предмет. Что же составляет «синтаксическую часть» Грамматики Ломоносова? То, что в современной терминологии мы назвали бы «синтаксисом слова»: «Наставление шестое. О сочинении частей слова» содержит главы, посвященные «сочинению частей слова вообще», «сочинению» имен, глаголов и «вспомогательных частей слова». Никакого «словосочетания» у Ломоносова нет: ни как синтаксической единицы, ни как объекта синтаксиса (URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm>).

Об этом четко писал В.В. Виноградов: «Необходимо было точнее определить границы и объем синтаксиса. Решение этого вопроса в значительной степени зависело от понимания взаимоотношений и взаимодействий грамматики и риторики. Учение о предложении и периоде, составляя основу риторики, тем самым оказывалось за пределами грамматического исследования. Оно лишь краем задевало грамматику. Так, в Грамматике Ломоносова сообщались лишь самые общие сведения о предложении как выражении логического суждения и об его основных частях (подлежащем и сказуемом). Изложение основ теории суждения и детальный анализ предложения и типов периодов составляли предмет Риторике. В силу этого грамматическое учение о “сочинении слов” отрывалось от теории предложения» [Виноградов: 32]. Далее Виноградов неоднократно подчеркивает не просто отсутствие понятия «слово-

сочетания» в Грамматике Ломоносова, но и значение этого отсутствия, его немаловажные следствия: «В грамматике изложение способов “сочинения”, или сочетания, разных частей речи в значительной своей части свободно и спокойно обходилось без всяких ссылок на предложение и его члены (подлежащее и сказуемое). Ведь в учении о “сочинении” слов рассматривались не функции и значения словосочетаний в разных видах предложений, а лишь синтаксические свойства самих частей, или элементов, речи (включая сюда предлоги, союзы и междометия). <...> Синтаксические связи разных частей речи рассматривались лишь в исключительных случаях на фоне речевого целого или в структуре предложения. Понятно также, что анализ видов и форм этих связей в системе разных частей речи не был объединен общей задачей и общим понятием, например понятием словосочетания. Это было своеобразное описание конкретных способов сочетаемости слов в русском языке, способов синтаксического распространения разных частей речи. Однако это описание обычно не приводило к пониманию тех грамматических единств, которые возникали в результате этих сочетаний» [Виноградов: 32]. Таким образом, Грамматика Ломоносова у «истоков» выделения предложения и словосочетания как двух единиц синтаксиса стоять никак не могла.

А что же А.А. Шахматов? Выделяет ли он в книге «Синтаксис русского языка», как утверждается в [Белошапкова] и [Анипкина, Бубнова, Крылова], словосочетание и предложение как две единицы синтаксиса? Обратимся сначала к фрагменту шахматовского «Синтаксиса...», выбранному самими авторами пособия 2016 г.: «Те части человеческой речи, — пишет А.А. Шахматов, — которые соответствуют отдельному сочетанию представлений, называются в синтаксисе *предложениями*; отдельному предложению противоплагается сочетание или *сцепление предложений*. Как указано, в языке бытие получили сначала предложения; позже, путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились *словосочетания* и *слова* для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения). Задачей синтаксиса является изучение как *предложения*, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся указанным путем словосочетаний и слов, насколько, однако, эти последние — в своей

ли форме или в своем употреблении — не потеряли связи с предложением, сохранив значение *частей* или *членов предложения*. <...> Синтаксис распадается на несколько отделов: в основном отделе рассматривается учение о *предложении* и *главных его членах*; в других отделах рассматривается учение о *словосочетаниях* и *второстепенных членах предложения*, а также *учение о частях речи*. <...> Предложение — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления. <...> Словосочетанием называем такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других. Предложение, состоящее из двух или более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным...» (выделено мной. — М.С.) [Шахматов: 17–19]. Далее Шахматов дает предложению такое определение: «Это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представления простым или сложным» [Шахматов: 29]. Эта мысль, как указано в комментариях проф. Е.С. Истриной, выражена уже в начальных черновиках Шахматова: «Человеческая речь распадается на предложения как на такие единицы, которые уже неразложимы без того, чтобы не устранили характера речи» (12 июня, 1916 г.) [Шахматов: 574].

Итак, утверждая, что предложение — это единица речи, соотносимая с единицей мышления, Шахматов не называет при этом ни синтаксической единицей, ни единицей речи словосочетание. Он эксплицитно ставит «словосочетания» (обратим внимание на форму множественного числа) на одну доску с второстепенными членами предложения и словом как «выделенными» из предложения синтаксическими объектами (но не единицами!). Приведенный фрагмент не просто не соответствует трактовкам взглядов Шахматова на предложение и словосочетание у В.А. Белошапковой и в «Синтаксических сюжетах» — он им принципиально противоречит. Более того, выделение предложения как основной синтаксической единицы у Шахматова ни опирается на трактовку словосочетания у Фортунатова, ни противоречит ей. Шахматов строит свою синтаксическую систему на принципиально иной основе, соотнося предложение с «коммуникацией», единицей мышления: «В § 1, 2 и далее ясно выражена мысль, что единицей

речи, а отсюда и основной построения синтаксиса является предложение, как словесное выражение коммуникации» [Шахматов: 574]. Все сопоставления и противопоставления шахматовского и фортунаатовского понимания словосочетания есть следствия, а не причина и источник шахматовского понимания предложения.

Выводы. Точки зрения В.В. Виноградова и его учеников на статус предложения и словосочетания как синтаксических единиц будут рассмотрены во второй части статьи. Однако уже можно сделать некоторые выводы, демонстрирующие, насколько важна ясность в вопросе о том, кто из языковедов какие синтаксические единицы выделял в действительности.

1) Отсутствие понятия о предложении и словосочетании как синтаксических единицах у Ломоносова и резкое противопоставление их статуса у Шахматова — не частные положения, а «системообразующие» характеристики их синтаксических концепций. Так, в «Синтаксисе» Шахматова понимание предложения как синтаксической единицы и словосочетания как «не единицы» органично связано а) с трактовкой синтаксиса как части грамматики, «которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове» [Шахматов: 17–19]; б) с членением синтаксиса и грамматики в целом на разделы (в синтаксисе рассматривается то, что «не отвлечено» от предложения).

2) Отношения между предложением и словосочетанием у Шахматова определяются не в замкнутой иерархии из двух «синтаксических единиц», как мы видели выше в [Анипкина, Бубнова, Крылова; 9], а исходя из диады «мышление — речь». В родоначальники структуральной версии уровневого подхода к языку, сосредоточенной на определении отношений между единицами разных уровней без учета этой диады, он никоим образом не годится.

3) При выстраивании представления о научной традиции возможны две точки отсчета: от определенного ученого или школы в прошлом (поиск последователей) и от современного состояния (поиск предшественников). Обе таят в себе опасность мифотворчества, но вторая — большую. Обращаясь к взглядам предшественников на синтаксические единицы или любой другой лингвистический объект, очень легко впасть в телеологическое заблуждение, рассматривая эти взгляды как этап на пути (по направлению, в сторону) к концепции, которая является преобладающей на сегодняшний день (по край-

ней мере, с точки зрения автора послетекста), или как отклонение от этого пути (неспособность его найти). Такая оценка, исходящая из «финишной точки», смоделированной с позиций сегодняшнего дня, но не мыслившейся учеными прошлых столетий как цель, которую надо достигнуть, гораздо менее интересна в плане самосознания лингвистики, чем поиск ответа на вопрос, почему тот или иной классик «не видел», «не интересовался», «не учитывал» и «думал не так, как мы».

Литература

Анипкина Л.А., Бубнова Н.А., Крылова О.А. Синтаксические сюжеты. Спорные и нерешенные вопросы русского синтаксиса. Москва: Русский язык, 2016. 240 с.

Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1977. 248 с.

Вейсман А.Д. Заметки к истории русской грамматики // Журнал министерства народного просвещения. Москва, 1899. С. 106–127.

Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва: Издательство Московского университета, 1958. 399 с.

Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. С.-Петербург: Сенат. тип., 1910. 169 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука, 1988. 439 с.

Сидорова М.Ю. К вопросу о «научной традиции» и «традиционной науке»: термины и оценки // Филология и человек. 2010. № 2. С. 7–26.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 294 p.

Schleppegrell M.J. The Language of Schooling: A Functional Linguistics Perspective. Routledge, 2004. 208 p.

References

Anipkina L.A., Bubnova N.A., Krylova O.A. Sintaksicheskie syuzhety. Spornye i nereshennyye voprosy russkogo sintaksisa. Moskva: Russkij yazyk, 2016. 240 s.

Beloshapkova V.A. Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis. Moskva: Vysshaya shkola, 1977. 248 s.

Vejsman A.D. Zametki k istorii russkoj grammatiki // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Moskva, 1899. S. 106–127.

Vinogradov V.V. Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 399 s.

Grunskij N.K. Ocherki po istorii razrabotki sintaksisa slavyanskikh yazykov. S.-Petersburg: Senat. tip., 1910. 169 s.

Zolotova G.A. Sintaksicheskiy slovar'. Repertuar ehlementarnykh yedinic russkogo sintaksisa. Moskva: Nauka, 1988. 439 s.

Sidorova M.Yu. K voprosu o «nauchnoj tradicii» i «tradicionnoj nauke»: terminy i ocenki // Filologiya i chelovek. 2010. № 2. S. 7–26.

Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka. Moskva: Editorial URSS, 2001. 624 s.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, 1986. 294 p.

Schleppegrell M.J. The Language of Schooling: A Functional Linguistics Perspective. Routledge, 2004. 208 p.

Сведения об авторе: Сидорова Марина Юрьевна; доктор филологических наук, доцент; МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры русского языка филологического факультета; sidorovadoma@mail.ru.

The author's profile: Sidorova Marina Yuryevna; Doctor of Philology, Moscow Lomonosov State University; professor, Russian Language Department, Philological Faculty; sidorovadoma@mail.ru.